

Политика США в отношении постсоветской интеграции в 2001–2009 гг.

Мацулевич Е.В.

Государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы», Минск

В начале XXI в. США столкнулись с новой прямой угрозой – терроризмом. Перед страной встала необходимость немедленного и мощного ответа. Делая акцент на ближневосточной политике, Белый дом не мог упустить из виду ситуацию в иных регионах. Усиление России и Китая, расширение их сфер влияния за счет интеграционных проектов в стратегически важном для американцев регионе бывшего СССР вынуждало Вашингтон переосмысливать свою внешнеполитическую стратегию, что позволяло бы реализовывать американские интересы в условиях новых рисков.

Цель данного исследования – проследить эволюцию политики США в отношении постсоветской интеграции в 2001–2009 гг.

***Материал и методы.** Источниками написания статьи послужили официальные документы, находящиеся в открытом доступе, аналитические статьи представителей ведущих американских неправительственных организаций. В процессе работы были использованы общенаучные и специально-исторические методы исследования.*

***Результаты и их обсуждение.** Администрации Дж. Буша-мл. продемонстрировали переход США к активной внешней политике. Интеграционные проекты, инициируемые Китаем и Россией, не отвечали американским интересам, направленным на расширение зоны своего влияния. Принципы новой политики нашли отражение в «доктрине Буша» и «трансформационной дипломатии», которая обосновывала вмешательство Вашингтона в дела новых независимых государств и поддержку прозападных настроений в бывших советских республиках. Действия США прямо или косвенно были направлены на подрыв действующих и недопущение новых неамериканских интеграционных проектов в постсоветском регионе.*

***Заключение.** Концептуальным основанием американской внешнеполитической стратегии стала «доктрина Буша» и, добавившаяся к ней с 2007 г., идея «трансформационной дипломатии». Угроза международного терроризма позволила Соединенным Штатам идеологически оформить и упрочить свою мессианскую миссию защиты мира демократии. Интервенционистская политика, к которой перешел 43-й президент США, усилила американское присутствие в постсоветском регионе. В рамках новой стратегии постсоветская интеграция стала оцениваться однозначно негативно как процесс, не отвечающий интересам Вашингтона. Действия США прямо или косвенно были направлены на подрыв интеграционных проектов на постсоветском пространстве, инициируемых не Соединенными Штатами. В связи с этим американское вмешательство в дела региона стало прямым и активным.*

***Ключевые слова:** США, постсоветское пространство, новые независимые государства, постсоветская интеграция, Дж. Буш-мл., «доктрина Буша», «цветные революции».*

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 74–80)

Us Post-Soviet Integration Policy in 2001–2009

Matsulevich E.V.

State Education Establishment “National Institute for Higher Education”, Minsk

At the beginning of the 21st century the United States is facing a new direct threat – terrorism. The country needed to give an immediate and powerful response. Focusing on Middle East policy, the White House could not lose sight of the situation in other regions. The strengthening of Russia and China, the expansion of their spheres of influence through integration projects in the region of the former USSR, which is strategically important for Americans, forced Washington to rethink its foreign policy strategy to implement American interests in the face of new risks.

The purpose of this study is to trace the evolution of US post-Soviet integration policy in 2001–2009.

***Material and methods.** The sources are official documents that are in the public domain and analytical articles by representatives of leading American non-governmental organizations. In the course of the work, general scientific and special historical research methods were used.*

Findings and their discussion. The administration of George W. Bush demonstrated the transition of the United States to an active foreign policy. Integration projects initiated by China and Russia did not meet American interests aimed at expanding their zone of influence. The principles of the new policy were reflected in the «Bush Doctrine» and «transformational diplomacy», which justified Washington's intervention in the affairs of the newly independent states and support for pro-Western sentiments in the former Soviet Republics. The US actions were directly or indirectly aimed at undermining existing and preventing new non-American integration projects in the post-Soviet region.

Conclusion. The conceptual basis of the American foreign policy strategy was the «Bush Doctrine» and, added to it since 2007, the idea of «transformational diplomacy». The threat of international terrorism allowed the United States to ideologically shape and consolidate its messianic mission to protect the world of democracy. The interventionist policy adopted by the 43rd US President strengthened the American presence in the post-Soviet region. Within the new strategy Post-Soviet integration began to be assessed unambiguously negatively as a process that did not meet the interests of Washington. The actions of the United States directly or indirectly aimed at undermining integration projects in the post-Soviet space that were not initiated by the United States. In this regard, American intervention in the affairs of the region became direct and active.

Key words: the USA, the post-Soviet space, New Independent States, post-Soviet integration, George W. Bush, «Bush Doctrine», «color revolutions».

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 74–80)

После победы в Холодной войне Соединенные Штаты остались единственной сверхдержавой, вознамерившейся установить новый мировой порядок. Однако террористические атаки 11 сентября 2001 г. угрожали крахом американского доминирования в мире. Ликвидация угрозы новых нападений на страну стала главной задачей администраций Дж. Буша-мл. Вместе с тем включение новых геополитических игроков – России и Китая – в борьбу за установление и расширение сфер своего влияния не позволяло Вашингтону «замкнуться» на одном внешнеполитическом направлении. США предстояло выработать стратегию внешней политики, которая отвечала бы новым реалиям и способствовала реализации американских интересов – расширению сферы своего влияния, мировой демократизации и либерализации, обеспечению стабильности, безопасности и прочим условиям, которые не подрывали бы американскую мощь. В этом контексте происходил пересмотр отношения к неамериканским интеграционным проектам в стратегически важном для США постсоветском регионе.

Цель данного исследования – проследить эволюцию политики США в отношении постсоветской интеграции в 2001–2009 гг.

Материал и методы. Источниками написания данной статьи послужили официальные документы (в т.ч. протоколы заседаний Конгресса и материалы официального сайта госсекретаря К. Райс), находящиеся в открытом доступе, аналитические статьи представителей ведущих американских неправительственных организаций США. Были использованы общенаучные методы, которые позволили выделить факторы, повлиявшие на формирование американской внешнеполитической стратегии (метод анализа), привести в систему факты, отражающую общие тенденции и закономерности декларирования принципов политики США в отношении постсоветской интеграции (метод синтеза и обобщения), реконструировать общие тенденции изменения восприятия интеграционных процессов в постсоветском регионе американским руководством (метод индукции и сравнения). Специально-исторические методы позволили

показать динамику изменения подходов США к постсоветскому пространству и процессов в нем (историко-генетический метод), выявить преемственность и новизну курса Дж. Буша-мл. в сравнении с политикой администраций Дж. Буша-ст. и У. Дж. Клинтона, а также сопоставить первый и второй президентский срок Дж. Буша-мл., позиции ведущих политических сил страны в различные периоды времени (историко-сравнительный метод), сформулировать особенности и отличия (историко-типологический метод), компоновать материал в хронологической последовательности, в то же время выделяя для анализа наиболее важные закономерности и тенденции (историко-типологический и проблемно-хронологический методы).

Результаты их обсуждения. Победа Дж. Буша-мл. на выборах означала не просто смену человека в президентском кресле, но и изменение партийно-идеологической основы внешнеполитической стратегии страны. В отличие от сдержанного во внешнеполитических делах демократа У. Клинтона и стремящегося отстраниться от процессов распада СССР и образования СНГ республиканца Дж. Буш-ст., Дж. Буш-мл. проводил активную политику в различных регионах мира. Еще на партийных праймериз 2000 г. республиканцы в своей платформе вынесли внешнюю политику на первое место, а 19 ноября 1999 г. Дж. Буш-мл. речью в Библиотеке Рейгана обозначил свой подход к международной деятельности США как «отчетливый американский интернационализм» («*distinctly American internationalism*»), для которого будут характерны: американское глобальное лидерство; ставка на внешнеполитическую тактику и наследие Р. Рейгана; солидарность с другими представителями республиканской партии, которые отвергают изоляционизм [1].

Закрепить активную внешнеполитическую стратегию стало возможно после терактов 11 сентября 2001 г. В ответ на них была оформлена «доктрина Буша», которая сводилась к формуле: американский превентивный удар + принцип «или вы с нами, или вы против нас» + отход от доктрины Трумэна (сдерживания) + обращение к доктрине Рейгана (поддержка борцов за свободу) [2]. В содержательном плане такая полити-

ка подразумевала американские превентивные удары; односторонние действия США; руководство тезисом о том, что внешнеполитическое поведение страны зависит от политического режима (отсюда – выделение стран с недемократическими режимами в «ось зла» и утверждение о том, что необходимо установить демократию по всему миру для стабилизации международной обстановки и безопасности); реализацию идеи глобального лидерства США через право действовать вне общих правил. Новая стратегия строилась на идеях неоконсерваторов 1990-х гг. – сторонников максимально жесткого и агрессивного поведения на международной арене [3, с. 88, 91], многие из которых вошли в созданную по инициативе Белого дома в 1997 г. неправительственную организацию – Проект для нового американского века (Проект «Новый американский век») (Project for the New American Century (PNAC)).

В рамках новой концепции и под влиянием событий 11 сентября критерием, по которому США оказывали помощь и строили дружеские отношения с государствами, стало намерение той или иной страны бороться с терроризмом. Борьба с ним использовалась как средство ведения внешней политики в различных аспектах, а также являлась призмой, сквозь которую виделась обстановка в мире. Определив «ось зла», в которую были зачислены Ирак, Иран и Северная Корея, Дж. Буша-мл. подал сигнал миру, что политика Вашингтона стала более категоричной, а стать американским врагом – не в интересах любой страны. Однако последующее расширение «оси» на Россию (традиционного и набирающего силу конкурента) и Китай (который, усиливая свою региональную и мировую роль, воспринимался не как партнер, а как соперник [1]) продемонстрировало, что Соединенные Штаты не потерпят не только прямую военную угрозу в свой адрес, но и потенциальную политическую, стратегическую и экономическую конкуренцию в любом регионе.

В этом же контексте развивалась финансовая политика США в отношении бывших советских стран. Чтобы не повторилась ситуация при Дж. Буше-ст. и У. Клинтоне, когда Конгресс выступал с критикой поспешности и неоправданности оказания помощи тому или иному государству, администрация 43-го президента обозначила принцип, по которому впредь будет оказываться поддержка. Критерием отношения США к той или иной стране отныне должна была стать степень ее активности в борьбе с терроризмом. Тем не менее, помимо финансирования статей на прямую контртеррористическую деятельность, Дж. Буш-мл. предложил увеличить статьи расходов на оказание иностранной помощи по иным статьям, по принципам, схожим с теми, что были в свое время заложены в основу Альянса за прогресс при президенте Дж. Кеннеди и «план Маршалла» при Г. Трумэне [4]. В качестве аргумента для повышения сумм на внешнеполитические расходы стал выступать тезис «терроризм зарождается в бедных странах». Соответственно, Вашингтон должен оказывать помощь тем государствам, которые

не только будут сторонниками прямой борьбы с терроризмом, но и продемонстрируют свое серьезное отношение к проведению реформ (тем самым стремясь повысить благосостояние государства и граждан, что приведет к снижению вероятности зарождения на своей территории террористических идей и группировок). Данный контекст был развит из позиции У. Клинтона, продвигавшего идею распространения демократии и подкреплявшего ее тезисом, что только в окружении демократий демократия сохранится в США. По замечанию Т. Карозерса (Thomas Carothers), представителя Фонда Карнеги, в реальности такие неопределенные понятия, используемые в формулировках критериев оказания американской помощи, привели к тому, что финансирование стали получать те страны и правительства, которые высказали свою готовность стать союзником США по борьбе с терроризмом, т.е. быть полезными Вашингтону в краткосрочных неотложных интересах. По мнению эксперта, такую политику нельзя оценивать однозначно как демократический шаг руководства страны, т.к. помощь могли получать страны, далекие от демократических преобразований. Даже в случаях, когда США аргументировали оказанную помощь тем, что страна-получатель демонстрирует ход какой-нибудь реформы, существовал риск, что, иницируя одни положительные преобразования, общая политика и другие мероприятия правительства этой страны могли носить антидемократический характер [4]. Тем самым у Белого дома оставалось поле для маневра в поощрении более выгодных Соединенным Штатам союзников.

После 11 сентября 2001 г. взаимодействие с постсоветским регионом должно было укладываться в общую концепцию внешней политики США, направленную на борьбу с терроризмом. Это диктовало особый статус России как главного партнера в американской миссии. Однако ведущие эксперты страны предупреждали, что Дж. Бушу-мл. не следует «выглядеть другом» В. Путина, т.к. это не будет сдерживать антидемократические действия российского президента; американско-российским отношениям нужно «реалистичное взаимодействие», т.е. Белому дому необходимо сформулировать условия интеграции России в Запад, выработать перечень мероприятий, которые будут являться шагами в этом процессе [5]. Примечательно, что американская политическая элита, в т.ч. президент, высказывались о дружеских отношениях Вашингтона и Москвы, исходя из того, что Россия будет включена в западный мир, интегрирована в евроатлантическое сообщество. Еще при У. Клинтоне США продемонстрировали приверженность подходу, согласно которому Россию необходимо было сделать «двигателем» демократии в регионе не только через реформы, но и через западные структуры, в первую очередь Североатлантический альянс (НАТО), с помощью которого вслед за Российской Федерацией привести постсоветские государства в «западный мир». При Дж. Буш-мл. этот принцип был сохранен: США

выразили намерение содействовать вступлению России во Всемирную торговую организацию (ВТО), а также началась активная пропаганда перевода отношений НАТО–Россия из вражеских в дружеские.

Как и ранее, одной из причин, почему российско-американские отношения начали портиться, стала возрастающая непредсказуемость и усиливающаяся активность политики Москвы в постсоветском регионе, в частности активизация российских интеграционных проектов. В американских кругах появление любой такой инициативы рассматривалось как политический шаг, направленный на возвышение России среди стран бывшего СССР. После того, как в 2000 г. было создано Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), в 2002 г. – Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а в 2003 г. было подписано соглашение о создании Единого экономического пространства (ЕЭП), стало очевидно, что любой интеграционный проект, инициируемый Кремлем, не может отвечать американским интересам. Были затронуты не только политические (желание США быть единственным крупным игроком в любом регионе, с чем готова была конкурировать Россия), но и экономические интересы США в регионе: российско-белорусская интеграция открывала путь мощным российским нефтегазовым компаниям к строительству трубопровода на Запад через Беларусь, а азиатская политика затрагивала энергоресурсы региона Каспийского моря. Некоторыми американскими экспертами создание нового объединения под руководством России оценивалось как проект, направленный на повышение популярности В. Путина в преддверии президентской избирательной гонки [6]. Таким образом, ЕЭП не воспринимался американцами как выгодное странам-участницам объединение, в котором они были бы заинтересованы. Оно несло угрозу американским экономическим и политическим интересам в регионе бывшего СССР.

Кроме политики России в отношении новых независимых государств, опасения вызвала и активизация на постсоветском пространстве Китая со своими интеграционными проектами, затрагивающими в первую очередь центральноазиатский регион (в 2001 г. была создана Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)). Однако вопрос о китайской угрозе в регионе в начале 2000-х гг. был спорным. Эксперт Фонда Карнеги выступил с аналитическим заявлением: «Китай имеет растущее присутствие в Центральной Азии, но <...> Они явно не являются прямой угрозой для США и станут косвенной угрозой только в том случае, если американские политики решат, что им по определению угрожает любое китайское присутствие в регионе Центральной Азии» («*China has a growing presence in Central Asia, but <...> They are clearly not a direct threat to the U.S. and will only become an indirect threat if U.S. policy-makers decide that they by definition are threatened by any Chinese presence in the Central Asian region*») [7].

Постсоветская интеграция вызывала опасения у Вашингтона несмотря на то, что подобные проекты 1990-х гг., по мнению ведущих экспертов-аналитиков страны, не работали. Все же потенциальная угроза того, что новые инициативы станут эффективны и будут препятствовать включению бывших советских республик в сферу влияния США, сохранялась. Одним из вариантов сдерживания развития подобных интеграционных проектов, не отвечающих американским интересам, виделось вступление новых независимых государств, в первую очередь России и Украины, во Всемирную торговую организацию [6]. Аргументом должен был стать тезис, что если страны Содружества Независимых Государств (СНГ) хотят реализовать свои планы по упрощению таможенных режимов, то способствовать этому будет ВТО, а не иные постсоветские интеграционные проекты.

В условиях активизации российских интеграционных инициатив с начала 2000-х гг. внимание ведущих американских экспертов сконцентрировалось на Беларуси и Украине, а также на центральноазиатских республиках. Некогда единый в американском восприятии постсоветский регион был разделен на более мелкие единицы, с которыми США намеревались строить отношения, учитывая особенности каждой.

Беларусь рассматривалась американцами как территория, которая соединяет Российскую Федерацию с Центральной и Восточной Европой и Калининградом, и как военный плацдарм для размещения там российской военно-оборонной техники. Значение республики возросло в связи с расширением НАТО на восток. Несмотря на то, что отношение России к Беларуси после избрания В. Путина стало прагматичным, обеспокоенность вызывало то, что Москва при нем, в отличие от ельцинского времени, стремилась стать ведущим игроком российско-белорусской интеграции. Вместе с тем «втягивание» Украины в ЕЭП несло в себе угрозу того, что она будет подвержена двойным обязательствам, т.к. участие в нем противоречило шагам по приближению законодательства Украины к стандартам Европейского союза (ЕС). Тем самым обе европейские страны посредством российских интеграционных проектов, в американском восприятии, отдалялись от Запада.

Центральноазиатский регион после терактов 11 сентября 2001 г. стал для США плацдармом для борьбы с терроризмом. Но эта территория представляла интерес и своими энергоресурсными возможностями. Нефть и газ региона являлись потенциальным резервным источником для США, дополняющим ресурсы, поступающие из стран Персидского залива. Однако при Дж. Буше-мл. присутствие в регионе стало возможным не столько экономическим (при У. Клинтоне рассматривались выгоды от строительства трубопроводов нефти и газа), сколько военным. После 11 сентября 2001 г. особому вниманию подвергался анализ угрозы исламизма и терроризма в регионе, анализировались военные и оборонные возможности

центральноазиатских республик. Такой мониторинг открывал для Соединенных Штатов перспективу оказания военной помощи и размещения баз НАТО на территории этих стран, аргументируя свои действия их недостаточной защищенностью собственными силами.

Несмотря на то, что интеграционная активность России не отвечала американским интересам, наблюдается сдержанная и осторожная политика американского руководства в ее адрес в начале 2000-х гг. Это было обусловлено тем, что на повестке дня стоял вопрос подтверждения Кремлем обязательств в сфере вооружения, взятых в годы существования СССР. Кроме того, Вашингтон нуждался в российской поддержке резолюции ООН по Ираку, а также в борьбе с терроризмом.

Чтобы не ухудшать российско-американские отношения, что могло бы «развязать руки» политическим устремлениям В. Путина в постсоветском регионе, американские эксперты предлагали не критиковать Россию за ее экономические интересы (а значит и ЕврАзЭС и ЕЭП, что являлись экономическими объединениями) и то, что она предъявляет экономические требования к новым независимым государствам [8, р. 4]. Такие законные требования, которые чаще всего выглядят и воспринимаются мировым сообществом как давление, могли бы быть выгодными Соединенным Штатам: разногласия и исключение из экономических отношений мотивов «дружбы» означало бы, что взаимодействие России и новых независимых государств не будет столь тесным и строящимся на историческом прошлом [8, р. 4–5], что отвечало бы задаче США снизить влияние России в регионе.

Еще одним вариантом не обострять российско-американский конфликт мог бы стать сценарий «уступить Россию Европе». Однако в 2004 г. беспокойство стали вызывать ее разногласия с ЕС. Расхождение позиций россиян и европейцев по поводу Украины на саммите Россия–ЕС 25 ноября 2004 г., по оценке представителей Центра стратегических и международных исследований (CSIS), знаменовало собой «рекордно низкую точку отношений России с Европой» (*«record low point in Russia's relations with Europe»*). Помимо самого этого вопроса, такой оценке предшествовала совокупность событий: перенос саммита на две недели позже по инициативе В. Путина; испорченный трехсторонний саммит В. Путина, Ж. Ширака и Г. Шредера (опоздания Ж. Ширака из-за ситуации с заложниками в Ираке, перерывы из-за теракта в Беслане); отмена В. Путиным визитов в Турцию и Германию из-за трагедии в Беслане; критика Парламентской ассамблеей Совета Европы докладов российской стороны о ситуации в Чечне; разногласия по поводу референдума в Беларуси [9, р. 1].

Напряженные отношения России с европейскими лидерами показали Вашингтону, что Москва балансирует на грани полного «отхода» от западного курса развития. Этот фактор вместе с активными интеграционными проектами России грозил исключить бывшие советские республики из американской

сферы влияния. Реальность такой перспективы была обусловлена тем, что, по американским оценкам, к концу первого президентского срока Дж. Буша-мл. инструментом расширения и упрочнения российской сферы влияния стала выступать не только экономическая интеграция, но и политические средства – «активная и беспрецедентная поддержка Москвой» пророссийских лидеров, особенно в президентских гонках [10, р. 1]. В отношении новых независимых государств Москва следовала «новому прагматизму» (*«new pragmatism»*), который американцами характеризовался как смешение экономических и политических вопросов (экономическая помощь или уступки со стороны России в обмен на решение политических вопросов с выгодой для Москвы) [8, р. 1, 4–5]. Ответной реакцией Вашингтона стала поддержка прозападных сил в бывших республиках СССР. Еще до избрания Дж. Буша-мл. президентом этим целям отвечал поддерживаемый Вашингтоном проект ГУАМ (Организация за демократию и экономическое развитие), куда вошла наиболее прозападно настроенная группа государств (Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова). В начале 2000-х гг. в ГУАМ также входил Узбекистан, а организация носила аббревиатуру ГУУАМ. В 2001 г. была подписана ее Хартия. При 43-м президенте поддержка прозападных сил стала более активной и конкретной, что способствовало «цветным революциям» в ряде бывших советских республик.

Грузинская «революция роз» 2003 г., украинская «оранжевая революция» 2004 г., «тюльпановая революция» 2005 г. в Киргизии, акции протеста 2006 г. в Минске – ключевые события для США, демонстрирующие прозападные настроения в бывших советских странах. Американские эксперты подтверждали причастность США к этим событиям. Например, анализируя «оранжевую революцию», представитель Фонда Карнеги отметил: «Вмешивались ли американцы во внутренние дела Украины? Да. Американские агенты влияния предпочли бы другой язык для описания своей деятельности – демократическая помощь, продвижение демократии, поддержка гражданского общества и т.д. – но их работа, как бы она ни называлась, направлена на то, чтобы повлиять на политические изменения в Украине» (*«Did Americans meddle in the internal affairs of Ukraine? Yes. The American agents of influence would prefer different language to describe their activities – democratic assistance, democracy promotion, civil society support, etc. – but their work, however labeled, seeks to influence political change in Ukraine»*) [11]. Основным механизмом выступила деятельность фондов, спонсирующих демократические изменения [11]. Подтвердила американскую причастность к «цветным революциям» и госсекретарь 2005–2009 гг. К. Райс. На слова журналиста о том, что «Буш признал, что правительство США напрямую поддерживает революции в Грузии, Украине и Киргизии. Вы действительно думаете, что кыргызская революция произошла с американской помощью?» она ответила,

что «Соединенные Штаты поддерживают народы этих стран, когда они решают добиваться демократии – в Украине, в Грузии, а также в Кыргызстане», но подчеркнула, что эта поддержка не прямая, а опосредованная: «Соединенные Штаты оказали поддержку в построении гражданского общества, в содействии развитию политических партий, но мы абсолютно не играем никакой роли в выборе лидеров Кыргызстана, в выборе того, как будет выглядеть конституция Кыргызстана. Это вопросы только для кыргызского народа. И Соединенные Штаты хотят быть моральной поддержкой, экономической поддержкой, политической поддержкой, но мы не те, кто осуществил революцию, “тюльпановую революцию”. Это был кыргызский народ» («*The United States has provided support to build civil society, to help the development of political parties, but we absolutely do not have any role in choosing Kyrgyzstan's leaders, in choosing what Kyrgyzstan's constitution will look like. These are issues only for the Kyrgyz people. And the United States wants to be a moral support, of economic support, of political support, but we are not the ones who carried out the revolution, the Tulip Revolution. That was the Kyrgyz people*») [12].

Второй президентский срок Дж.Буша-мл. был направлен на закрепление успеха первой администрации. Уверенно выиграв переизбрание, он своей инаугурационной речью «дал понять, что продвижение свободы во всем мире будет в центре внимания его второго срока» («*Bush made clear that advancing freedom and liberty around the world is going to be the foreign policy focus of his second term*») [13]. За этим объявлением последовали визиты госсекретаря в страны, в которых прошли «цветные революции». Поощрением выгодного для США режима и победы прозападных сил должно было стать продвижение включения страны в западные структуры и интеграционные процессы. Демократические преобразования были встречены одобрением и заверениями К. Райс о поддержке Вашингтоном стремлений этих стран стать членами европейских и евроатлантических структур.

Уроки сценариев «цветных революций» Белый дом должен был запомнить и определить как отработанный эффективный механизм осуществления смены режима в стране. Итоги «цветных революций» заставили американцев сделать вывод: «Наши “кнуты” оказались неэффективными, поэтому сфокусируемся на “прянике”» («*Our “sticks” have been ineffective, so let us focus on the “carrots”*») [14]. К таким «пряникам» относились средства «мягкой силы», по сути, ведущие к вестернизации, демократизации, либерализации и включению стран бывшего СССР в западные структуры, что отвернуло бы их от китайских и российских интеграционных инициатив.

Со стороны США произошло разделение стран постсоветского пространства по принципу «добро–зло»: Вашингтон поддержал демократические стремления и революционные настроения Украины, Грузии, Кыргызстана, в стадию кризиса политического диалога

перевел отношения с Беларусью и Узбекистаном, все чаще критика стала звучать в сторону России [3, с. 91]. Строгая и агрессивная «доктрина Буша» постепенно стала уступать место «трансформационной дипломатии» (Transformational Diplomacy), теоретически представленной в Стратегическом плане на 2007–2012 гг., согласно которому, демократические режимы должны были объединиться в усилиях по мировой демократизации и либерализации [15]. В то же время новая администрация не собиралась ослаблять военное присутствие в Центральной Азии, аргументируя это тем, что миссия в Афганистане не завершена. Неофициальная же причина крылась в растущей мощи Китая. В 2006 г. эксперт Фонда Карнеги Марта Олкотт (Martha Brill Olcott) опубликовала аналитический доклад о китайских инвестициях и энергоресурсной политике в центральноазиатском регионе, заключив, что Китай стремится расширить там свое присутствие и разрабатывать местные энергоресурсы [7]. Таким образом, вторая администрация Дж. Буша-мл. стала сочетать как механизмы «мягкой силы», так и элементы силового воздействия, что отражало гибкость американской внешней политики.

Заключение. Таким образом, угроза терроризма, с которой столкнулся мир демократии 11 сентября 2001 г., позволила Соединенным Штатам идеологически оформить и упрочить свою мессианскую миссию защиты и покровительства мира свободы, права и демократии. Внимание Вашингтона в постсоветском регионе сосредоточилось на центральноазиатских странах и российско-американских отношениях, а борьба с терроризмом стала инструментом и обоснованием избирательного подхода в построении отношений с тем или иным государством. В отношении постсоветского пространства и интеграционных процессов в регионе наблюдается концептуально новый дискурс, однако стратегия была основана на тех концепциях, которые зародились при 41-м и 42-м президентах США. Дж. Буш-мл. выступил сторонником идей Дж. Буша-ст. и У. Клинтона, согласно которым новые независимые государства должны были быть интегрированы в западное сообщество через такие структуры, как НАТО и ВТО, а также должен был быть сохранен американский интеграционный проект ГУАМ. Продолжая поддерживать идею демократического мессианства, Соединенные Штаты, несмотря на первостепенную значимость военных действий в Афганистане и на Ближнем Востоке, продолжили внимательно следить за реформами в бывших республиках СССР и региональной обстановкой, резко выступая с критикой интеграционных проектов, которые способствовали бы усилению региональных игроков – России и Китая.

Интервенционистская политика, к которой перешел 43-й президент США, усилила американское присутствие в постсоветском регионе и отразилась на позиции Вашингтона в отношении интеграционных процессов в нем. В рамках новой стратегии, характеризующейся своей радикальностью, открытым

провозглашением американских интересов и прямой деятельностью, постсоветская интеграция стала оцениваться однозначно негативно как процесс, не отвечающий интересам Вашингтона. Любые инициативы стали восприниматься как политические, связанные с намерением страны-инициатора интеграционного проекта доминировать в регионе. Действия, которые обосновывались принципами, заложенными в основе «доктрины Буша» и «трансформационной дипломатии», и вели к американскому вмешательству в дела бывших республик СССР, прямо или косвенно были направлены на подрыв интеграционных проектов на постсоветском пространстве, инициируемых не Соединенными Штатами. В связи с этим американское вмешательство в дела региона стало прямым и активным и выразилось в поддержке прозападных настроений внутри республик, что способствовало «цветным революциям»; увеличению контактов с руководством стран Центральной Азии; анализе военных и оборонных возможностей центральноазиатских республик, что позволяло обосновывать необходимость размещения баз Североатлантического альянса на их территории; поддержке Организации за демократию и экономическое развитие (ГУ(У)АМ); одобрении энергоресурсных проектов, альтернативных предложениям России или Китая; прямом декларировании К. Райс законности интересов США на постсоветском пространстве.

Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограммы «История» по заданию 12.1.06. Тема НИР – «Западный вектор внешней политики Республики Беларусь и Российской Федерации в условиях геополитической трансформации современного миропорядка» (науч. рук. – к.и.н., доц. А.П. Косов).

Литература

1. Kagan, R. Distinctly American Internationalism [Electronic resource] / R. Kagan // Carnegie Endowment for International Peace. – 1999. – November 29. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/1999/11/29/distinctly-american-internationalism-pub-237>. – Date of access: 14.02.2022.
2. The Bush Doctrine [Electronic resource] // Carnegie Endowment for International Peace. – 2002. – October 7. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2002/10/07/bush-doctrine-pub-1088>. – Date of access: 21.02.2022.
3. Гвоздков, С.Ю. Формування концептуальних засад політики адміністрацій Дж. У. Буша щодо держав пострадянського простору / С.Ю. Гвоздков // Гілея. – 2015. – Вип. 99. – С. 88–92.
4. Carothers, T. The New Aid / T. Carothers // Carnegie Endowment for International Peace. – 2002. – April 16. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2002/04/16/new-aid-pub-953>. – Date of access: 21.02.2022.
5. Mcfaul, M. West or East for Russia? [Electronic resource] / M. Mcfaul // Carnegie Endowment for International Peace. – 2001. – June 9. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2001/06/09/west-or-east-for-russia-pub-718>. – Date of access: 25.03.2022.
6. Cohen, A. U.S. Should Promote WTO as Substitute to Eurasian Common Economic Space [Electronic resource] / A. Cohen // The Heritage Foundation. – 2003. – October 16. – Mode of access: <https://www.heritage.org/europe/report/us-should-promote-wto-substitute-eurasian-common-economicspace>. – Date of access: 10.03.2022.
7. Olcott, M. Is China A Reliable Stakeholder in Central Asia? [Electronic resource] / M. Olcott // Carnegie Endowment for International Peace. – 2006. – August 04. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2006/08/04/is-china-reliable-stakeholder-in-central-asia-pub-18606>. – Date of access: 13.04.2022.
8. Sokov, N. Russia's Policy in the Former Soviet Union and the New Challenges to the United States Eurasia Policy [Electronic resource] / N. Sokov // CSIS. – 2002. – January 25. – Mode of access: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/pm_0229.pdf. – Date of access: 08.02.2022.
9. Baev, P. Putin's European Project. Derailed or Set Back in Reformatting? [Electronic resource] / P. Baev // CSIS. – 2004. – November. – Mode of access: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/pm_0331.pdf. – Date of access: 10.03.2022.
10. Kobrinskaya, I. Russian Foreign Policy in the Post-Soviet Space: New Priorities for New Challenges? [Electronic resource] / I. Kobrinskaya // CSIS. – 2004. – November. – Mode of access: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/pm_0332.pdf. – Date of access: 09.03.2022.
11. Mcfaul, M. 'Meddling' In Ukraine: Democracy is not an American plot [Electronic resource] / M. Mcfaul // Carnegie Endowment for International Peace. – 2004. – December 21. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2004/12/21/meddling-in-ukraine-democracy-is-not-american-plot-pub-16292>. – Date of access: 11.04.2022.
12. Interview With Kiyas Moldokasymov of Kyrgyz National TV // 2001–2009 Archive for the U.S. Department of State. – Mode of access: <https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2005/54670.htm>. – Date of access: 18.04.2022.
13. Mcfaul, M. Advancing Bush's Liberty Doctrine in Russia [Electronic resource] / M. Mcfaul // Carnegie Endowment for International Peace. – 2005. – May 9. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2005/05/09/advancing-bush-s-liberty-doctrine-in-russia-pub-16881>. – Date of access: 13.04.2022.
14. Olcott, M. U.S. Policy in Central Asia: Balancing Priorities (Part II) [Electronic resource] / M. Olcott // Carnegie Endowment for International Peace. – 2006. – April 26. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2006/04/26/u.s.-policy-in-central-asia-balancing-priorities-part-ii-pub-18277>. – Date of access: 13.04.2022.
15. Strategic Plan. Fiscal Years 2007–2012 [Electronic resource] / U.S. Department of State; U.S. Agency for International Development // U.S. Department of State. – 2007. – May 7. – Mode of access: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/86291.pdf>. – Date of access: 04.05.2022.

Поступила в редакцию 11.05.2022